

Ретроспектива 1. Земледел. Энтея

Семена медленно опускались с ночного неба. Полупрозрачные, молочно-белые в лучах корректирующих светильников, невесомо ложились на сухую траву, замирали. Покрытая легким инеем трава темнела, набухала влагой от теплых семян. Капельки воды, подрагивая, бежали вверх по шершавым бокам. Семена пили.

Запрокинув голову, Стас смотрел в полное звезд небо и не мог наглядеться. Наконец, лучи погасли, ночь снова укутала лагерь своим теплым дремотным одеялом. Стас подошел к ближайшему семечку, погладил теплый живой бок. Было оно чуть выше Стаса, продолговатое, шага в три длиной.

«Интересно, что из него вылупится», — подумал земледел и отправился спать.

Утром начиналась настоящая работа.

Проснулся земледел от заунывного воя. Невнятно костеря тварь и всех ее родственников, Стас вылетел из купола, схватив по дороге станнер, и остановился на пороге.

За ночь большая часть семян раскрылась, а группа из трех самых больших, отравив ложноножки, вскарабкалась на холм и завер-

нула себя в серовато-зеленый кокон, внутри которого деловито шевелились зародыши строений. Все правильно, там центр управления.

Тварь продолжала выть. Стас осторожно пошел вокруг крупного семечка, которое постепенно превращалось в продолговатый купол с прозрачной покатою крышей — оранжереей. Зверюга обнаружилась в двух шагах от внешнего периметра. Размером с земного гепарда, она скакала на шести тонких лапах и, вытягивая стрекозину голову, выла.

Стас прислушался, пытаясь уловить эмофон существа. Оно хотело жрать, надеялось что-то... выкопать, добыть из почвы? Фон простой, как мычание, без темных нот агрессии. Значит, не хищник. Уже хорошо.

— А ну, брысь отсюда, — рявкнул Стас.

Подобрав камень, запустил в «стрегепарда». Камень попал в тощий пятнистый зад, существо обиженно вякнуло и скрылось в зарослях.

Пискнул браслет.

— Ох ты ж, так и разэтак! — Стас бросился обратно в свою палатку.

На экране визора уже подрагивало изображение. Сигнал транслировался не напрямую, а с центрального узла связи, много лет назад сброшенного вместе с другим оборудованием на Шепчущие Пески. Центральный узел благополучно вырастил мощную антенну, которая поймала сигнал трансляционного

спутника, а теперь перекидывала передачу в полевой лагерь земледелов. То есть сейчас на одного земледела персонально. Официально — терраформиста Станислава Игоревича Светлова, выпускника факультета планетопреобразования Института формирования окружающей среды четвертого сектора Звездного тракта.

Выпускник стоял перед экраном и, шипя сквозь зубы, осторожно крутил ручки настройки. Наконец картинка дернулась и выровнялась. С экрана задумчиво смотрел седой сухолицый человек.

— Доложите о причинах задержки, Светлов, — заговорил он.

— Зверюгу от лагеря отгонял, Пал Сергееч. Семена же ночью сели, а с утра вой, я и выскочил посмотреть.

— Теперь еще раз, и по инструкции, — все с той же бесстрастной физиономией приказал координатор.

— В шесть часов двадцать две минуты по времени сектора был разбужен посторонними звуками. Предположив, что представители местной фауны могут нанести ущерб биотехнологическому оборудованию в стадии роста, принял решение покинуть купол и отогнать... э-э-э... местную фауну. В случае необходимости с помощью станнера, — занудным штатным голосом доложил Стас.

— И как фауна? — с тем же каменным лицом продолжал допрашивать координатор.

— Камнем в задницу засветил, фауна убежала.

Пал Сергеич хмыкнул.

— Ладно, будем считать причину уважительной. Докладывай по оборудованию.

Стас выдохнул:

— Семена прибыли точно по расписанию, по результатам внешнего осмотра повреждений нет, развертывание по графику. Как сеанс закончится, возьму портативный комплекс, проведу полную диагностику.

Координатор одобрительно кивнул.

— Добро. Без потерь — значит, место грамотно подобрал.

Не пристало настоящему земледелу проявлять эмоции, поэтому Стас ограничился сдержанным «спасибо, старший».

— Вот еще что, — вспомнил Стас, — на холме кокон ЦПУ растет, я его туда, как положено, посадил. Но что-то он мне крупноватым кажется. В комплекте же вроде стандартный «Форт» идет?

— Да ешкин же ты кот, — буркнул Пал Сергеич и защелкал клавишами, — они тебе зачем-то вместо «Форта» скинули «Замок». Вариант для агрессивных планет.

Стас задумчиво присвистнул.

— Именно, именно так, — развел руками Пал Сергеич, — теперь тебе задачка: обеспечить полную совместимость «Замка» с остальным поселком. Так что скучать тебе не придется. Удачи, земледел!

Скучать не пришлось. Наскоро перекусив, Стас перекинул через плечо ремень анализатора и отправился проверять семена. Лагерь располагался у подножия пологого холма, и еще вчера, выходя из купола, он видел заросшую синеватой травой равнину и, в отдалении, опушку леса. В лесу время от времени что-то страшно кричало, шатало низкорослые деревья, но на равнине не показывалось. Что это было, Стас не знал, но, судя по эмофону, зверюга была не слишком агрессивной. Эмпатом Стас был, мягко говоря, посредственным, поэтому пару раз страдал от девушек с тонкой душевной организацией, но основные типы эмофонов различал.

Сейчас вид на местные красоты заслоняли растущие купола. По мере роста они расползались по заранее намеченным точкам, выстраиваясь в улицы поселка. Воздух заполнял сладковатый запах, который настоящий земледел ни с чем не спутает, — семена активно укоренялись, перерабатывали каждую полученную из почвы молекулу, выстраивая жилые купола, мастерские, центр отдыха, клинику диагностики и коррекции, словом, стандартный поселок первопоселенцев.

Малые семена первыми раскатились по периметру и уже выбросили вверх гибкие стебли «сторожевых башен» — системы оповещения о возможных агрессивных воздействиях, как это называлось в длиннейшем перечне

оборудования, заученном Стасом еще на втором курсе.

Диагностику удалось закончить к вечеру. Остался только неожиданный подарочек. Прищурившись, Стас осмотрел кокон. Тот выглядел нахальным и упитанным.

— И что мне с тобой делать? — пробурчал Стас. Решив проверить нахала завтра, ткнул пятерней в мембрану купола и отправился ужинать.

Десять минут спустя он сидел скрестив ноги, жевал рис с овощами и гонял по пленочному монитору спецификации «Замка». На первый взгляд, дела обстояли не так уж плохо — большинство разъемов и программ стыковалось без труда. А специфические модули и функции, рассчитанные на агрессивную среду, можно было просто отключить.

Решив, что так и поступит, Стас отставил контейнер с едой, закорил данные, которые понадобятся ему завтра, и вышел из рабочего мнемотранса. Теперь пора и передохнуть. Он мягко откинулся на упругом мате и сказал в пространство:

— Монитор, сводку новостей сектора.

Монитор повис над лежаком, потемнел, настраиваясь, затем пошла картинка: как всегда, сначала общие новости Сферы разума.

«Продолжаются переговоры делегации человечества с представителями Союза морских систем». Причудливые жители водных планет лежали на берегу, омываемые медлен-

ными волнами, рядом с ними сидел в позе лотоса человек с закрытыми глазами. Лицо расслаблено, уголки губ подрагивают в чуть заметной улыбке. Эмпат высочайшего уровня осторожно беседовал с обидчивыми по человеческим меркам «моряками», нащупывая нити взаимопонимания. Судя по сопровождающему сюжет сообщению, контакт проходил успешно.

Берег моря сменился мрачными развалинами где-то в джунглях. Точно — сектор Старых Планет. Бронированный робот-самоходка полз, обшаривая пространство хоботом локационной установки. Поодаль, в укрытии, фигуры в скафандрах дезактиваторов склонились над управляющим модулем. Над самоходкой парил, передавая картинку сверху, «домовой». Как и положено, спецмодифицированный, похожий на бесхвостого ската.

«Вот этим ребятам скучно точно не бывает», — подумал Стас с уважением.

Он и сам когда-то мечтал попасть в отряд дезактиваторов, представлял, как открывается десантная капсула и он с паллером наперевес выскакивает, высматривая боевых дроидов, или крадется по темным коридорам заброшенных военных баз, выискивая биологическое оружие, спрятанное фанатиками эпохи Первого Исхода. Но в какой-то момент изменил решение. И хотя по всем параметрам проходил в группу подготовки дезактиваторов, ушел к земледелам. Просто однажды от-

четливо понял, что хочет создавать будущее, а не чистить прошлое.

А монитор уже показывал виды Старой Земли. Венеция и Ленинград в очередной раз закрывались на реставрацию, ограничивался экскурсионный поток в Лондон, Шри-Ланка представляла фестиваль психографической импровизации...

В лесу завывал неизвестный, но не опасный зверь, шелестел ветер, и заливал полови́ну небосклона Млечный Путь.

Хорошо...

Вот, как раз о программе терраформирования заговорили. Он смотрел, как поворачивается на экране полусфера с пульсирующими голубоватыми точками — областями земледелания. Все они находились во внешней части сферы. Вот и Энтея. На самой границе, даже чуть выходит за нее.

Личных сообщений не было, и Стас, отключив монитор, сел на пенопреновый коврик, входя в подготовительную фазу вечернего комплекса. Дыхательные упражнения, осознанное восприятие, очистка сознания... В душ, и спать.

Следующая неделя выдалась на редкость суматошной. Два полуоформившихся семени вдруг решили, что не хотят стоять вдоль улицы, и повели себя как изба сказочной бабы Яги. Шипя и ругаясь, Стас вскрывал незре-

лые мембраны и копался в настроечных модулях, возвращая будущие дома в состояние «ко мне передом».

Центр управления модели «Замок» решил в первую очередь активировать системы защиты от агрессивных сред. Правильно сделал, но этим за одну ночь выморозил почву так, что Стас проснулся, трясаясь от холода. Выскочив, он увидел, как покрываются инеем стенки новорожденных построек, и услышал легкое потрескивание. «Замок» самодовольно светился фиолетовым.

— Жлоб, — припечатал его Стас и ушел досыпать.

Наутро в отместку за непристойное поведение «Замка» он отправился налаживать его энергосистемы. Судя по внешнему виду, модуль от души накачался энергией и был готов к включению в систему поселка.

В лесу что-то рывкало и верещало, шелестели деревья, отчетливо пахнуло абсолютно земной осенью, и от этого защемило в груди. Стас остановился, глубоко вдохнул.

Воздух вдруг засвистел. В небе показалась черная точка. Стремительно увеличиваясь в размерах, она приближалась к лагерю.

— Твою за ногу! — выдохнул Стас и бросился к командному пункту.

Вращаясь и выгибая дугой огромные лиловые щупальца, словно тормозя ими о воздух, на лагерь гигантским сверлом падал корабль

Дальней разведки класса «Гамаюн». Тяжело дрогнула земля.

Задыхаясь, земледел кувыркнулся через голову, вскочил на ноги, снова побежал, слыша, как позади визжат и скрипят гибнущие здания. Звонко взорвалась химлаборатория, свистнуло над ухом. Стас оглянулся и заорал.

Безумно и неуклюже вздымалось к небу гигантское тело «Гамаюна». Войдя носом в грунт, корабль пытался остановить себя, раскинув щупальца, вбивая их в почву, но не справлялся. Корпус закинуло вверх, и он валился прямо на Стаса.

В два прыжка парень оказался у входа в «Замок» и рыбкой нырнул в открывшуюся мембрану. С негромким шелестом сошлись лепестки двери, и на командный пункт обрушилась туша гибнущего корабля.

Стас клацнул зубами, рот наполнился кровью. Земледела оторвало от пола и бросило вперед по коридору. Он успел закрыть голову руками, и тут ударило снова. Уже слабее.

«Что еще могло взорваться?» — мельком подумал Стас и, заорав от внезапного ужаса, упал, свернулся калачиком, закрыл голову руками.

Умирал «Гамаюн». Корабль сделал все, что мог, и сейчас выбрасывал боль и безумие гибнущих симбиот-систем наружу, стараясь защитить от них пилота.

Стас плакал, выл и ждал. Как учили, дышал и ждал, когда уйдет чужой кошмар. Наконец

встал, шмыгнул носом и пошел осматривать масштабы бедствия.

Выход из «Замка» непоправимо покорежило, пришлось выбираться через аварийный люк верхнего яруса. К счастью, работало аварийное питание, и Стас молча взял назад свои обвинения командного центра в жлобстве. Протиснувшись через еще теплый после взрывов люк, земледел выбрался наружу и тяжело вздохнул.

Корабль пропахал огромную борозду через весь лагерь. Видимо, пытался дотянуть до людей и посадить «Гамаюн» поблизости от поселения, чтобы помощь пришла быстрее, но повреждения были настолько сильными, что рассчитать траекторию и расстояние он уже не смог.

Жилой модуль размазало. А самое поганое — срезало верхушку «Замка». Где уже вырос узел связи.

В воздухе стоял густой медный запах умирающего корабля.

— Пилот! — оскальзываясь на комьях глины, Стас побежал к кораблю.

«Гамаюну» и тут не повезло. Пытаясь затормозить, он развернулся, и носовая часть проехала по выросшим и окрепшим постройкам поселка. Нос корабля напоминал изуродованную пасть кашалота. В глубине разодранного, истекающего компенсационной жидкостью зева висела на соединитель-

ных шлангах пилотская капсула. Стас полез к ней.

— Ну, ну где же, где индикаторы? — бормотал он, обрывая с капсулы ключья корабельной псевдоплоти.

На уровне колена показались слабо мигающие огни.

— Очень, очень нехорошо, — бормотал он сам себе, присев на корточки.

Читать показания аварийных капсул их учили еще на первом курсе. И на втором. И на третьем. Дисплеи и группировка информационных блоков была стандартной и для индивидуального костюма, и для пилотской капсулы, отличалось только количество показателей и детализация.

У «Гамаюна» датчиков было много. Большинство сигналили оранжевым и красным. Хотя основные функции жизнедеятельности — более-менее, но уже начинали вылезать в оранжевую зону. Непонятно, почему? При разрушении симбиот-системы капсула должна перевести пилота в полный анабиоз, притупить мозговую активность, заорать на всех частотах.

Мозговая активность — красная? Это с чего?! Погас ряд индикаторов — полностью уничтожена линия эмпатической связи с кораблем. Это очень и очень плохо. Во время полета мозг, сознание пилота, он сам становятся частью корабля. Пилот и корабль существуют в общем психоэмоциональном

пространстве, которое создает и поддерживает корабельный мозг.

В случае аварии «Гамаюн» должен был отключить пилота от полетной реальности. Почему же этого не произошло?

И тут Стас заметил то, что должен был увидеть с самого начала. Дополнительный блок индикаторов. Мертвых. Тут ему стало по-настоящему страшно.

— Так. Спокойно. Думай, — вслух приказал себе Стас.

Мало того, что на него свалился умирающий корабль Дальней разведки и полностью убил поселок, уничтожив при этом все системы связи. Так еще и пилот его — один из «закромочников».

Сколько их было, точно никто не знал. Тех, кто еще в начале Эры Объединения согласился срастить свой мозг с искусственным сознанием кораблей Дальней разведки и ушел за границу Звездного тракта. Согласились по разным причинам, но за каждой стояла своя нелегкая история... Кажется, среди них были как раз посмертники. Неужто и здесь «повезло»?

Внутри билась паника, а пальцы уже сновисто ощупывали стыки капсулы, нащупывая внешние переключатели. Что он помнит о «закромочниках»? Полное объединение с мозгом корабля, прямой контроль корабельных систем. Жизнедеятельность тоже поддерживается симбиотической связью

с кораблем. По сути, «закромочник» и есть корабль.

Нажать здесь и здесь, одновременно потянуть вверх и вниз два нароста ручного открывания капсулы...

С тихим шипением кокон раскрылся, и на Стаса пахнуло холодом антисептика. Лицо пилота закрывала маска эмпат-интерфейса, к вискам присосались вводы дублирующих систем, руки и ноги обвивали лианы диагностического, массажного и, звезды их знают, каких еще комплексов. Сейчас часть лиан отвалилась, часть почернела, и из-под них выступали капельки крови. Мощное, неприятно белое тело подрагивало, сокращались мышцы, словно пилот боролся с кошмаром.

«Он с ним и борется», — подумал Стас.

Разваливается мир, в котором пилот существовал сотни лет.

Земледел осмотрел лианы-кабели, которые шли туда, где должен был находиться корабельный мозг. Разъемы вроде бы здоровые, но что по ним сейчас передает погибающий «Гамаюн»? Как стабилизировать пилота? Медкомплект Стас подтащит, а вот что делать с мозгом?

Кажется, в «Замке» есть неплохой модуль синтетической реальности с набором реалов.

— И я тебя к нему подключу, пилот, — сказал вслух Стас. Похлопал по борту капсулы и добавил: — Ты только держись давай.

В комнате отдыха он варварски раскурочил панель встроенной техники, выдрал реал-модуль. Антиграв-носилки лежали в подвальном этаже и не пострадали. Погрузив на них мед- и реал-комплект, Стас потянул носилки к кораблю.

Не позволяя себе усомниться в том, что делает, отключил лианы от вводов, подключил к реал-модулю. Прогнал меню. Надо что-то спокойное. Вот. Старая Москва. Летний дождь. Годится. Активировал медиколога. Теперь можно выдохнуть и присесть в сторонке, наблюдая, как взлетает в воздух овальное серое тело медиколога, выпускает из себя щупы, присасывается к дрожащему человеку и начинает свою работу.

Пилот затих.

Очень хотелось спать. Стас проваливался в дрему и тут же, вздрогнув, выныривал. Медиколог негромко загудел, мигнули огни диагностической панели. Стас набрал короткую команду — в воздухе повисло голографическое табло — и охнул. Пилотом был Михеев. Один из Первой десятки. Из посмертников.

Кажется, их нашли в каком-то так до конца и не опознанном комплексе, выплавленном в скальном массиве планеты, которая лежала далеко в стороне от исследовательских и, тем более, регулярных маршрутов. В истории было немало непонятного, говорят, сами посмертники почти ничего не помнили о последнем этапе своей жизни. В основном —